

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ ЛЮБВИ

Сегодня в Европе есть две страны, где современный танец развивается особенно интересно и интенсивно — Франция и Германия. Увы, этот захватывающий и достаточно сложный процесс формирования принципиально нового направления в искусстве, набиравший силу последние десять—пятнадцать лет, оставался практически вне поля нашего зрения. Открывшиеся в Москве культурные центры этих двух стран, похоже, взяли на себя задачу восполнить существенный пробел. В сентябре по инициативе Немецкого культурного центра имени Гете москвичам были показаны работы хореографов, представляющих школу «Фолкванг», в том числе и спектакли легендарной Пины Бауш. А через несколько дней Французский культурный центр проведет гастроли танцевальной труппы города Нанта, созданной и возглавляемой танцовщиком и хореографом Клодом Брюмашоном.

Кто же он такой — Клод Брюмашон? Последние годы о нем пишут очень много. И не только во Франции, но и в Англии, США, Германии, где он гастролировал со своей труппой. Внимание прессы привлекают и сами его постановки, и его понимание танца, и тот довольно необычный, но вместе с тем весьма показательный для нынешнего времени путь, который он прошел.

Он вырос в Руане, в семье художника. И вначале тоже избрал для себя отцовскую

вперед. Он действительно, был безудержен в работе: мог, как свидетельствовали его артисты, «репетировать до изнеможения, пока не валился от усталости». Вот только постоянного места для репетиций не было: труппа вечно странствовала, хотя, правда, в основном в радиусе Большого Парижа.

Конец кочевой жизни наступил три года назад, когда мэрия Нанта предложила Брюмашону обосноваться в этом городе вместе со своей труппой и на ее основе создать здесь национальный хореографический центр, для которого предоставлялось и оборудовалось комфортабельное помещение.

Журналисты допытывались тогда у Брюмашона, не боится ли он, что, перебравшись из Парижа в провинцию, занизит себе планку и вообще «зачахнет». Он на это отвечал так: «Да, принято считать, что все новое создается в столице. Но это предствление устаревает. Несколько известных современных хореографов уже рискнули переехать из Парижа в другие города, и их эксперимент оказался успешным... Я уверен, что мы тут не только не зачахнем, но сумеем в этих идеальных для творчества условиях создать нечто настоящее, сильное...»

Слова хореографа, судя по всему, подтвердились: за три года жизни в Нанте он не только выпустил серию новых значительных работ, но и далеко продвинулся в своих искани-

профессию, окончив местную Школу изобразительных искусств. Но потом вдруг — это было в конце 70-х, когда ему уже исполнилось двадцать лет. — бросил живопись и решил стать танцовщиком. Но ни на какие балетные курсы, как это обычно принято в таком случае, не поступал, частных уроков не брал, а просто пришел в одну из танцстудий, где в ту пору рождался в экспериментах балет нового типа, и стал там работать.

В 1982 году состоялась его встреча с Карин Сапортой — одним из самых необычных и умных современных хореографов Франции. Своими смелыми исканиями она, по словам самого Брюмашона, перевернула его жизнь. Ему стало тесно в роли простого интерпретатора чужих идей. Он тоже захотел ставить, иметь собственную труппу, искать и найти свой язык и стиль.

Труппа появилась уже два года спустя. И сразу пришла первая большая удача: премия на престижном конкурсе хореографов в Баньоле. С тех пор его балеты (или, как он сам их называет, танцпьесы) выпускались один за другим. Брюмашона постепенно начинали узнавать и признавать. У него, по мнению критиков, четко просматривалась своя манера — резкая, чувственная и очень экспрессивная, обнаруживался свой подход к композиции и уникальное умение создавать на сцене настоящие живые картины (опыт художника не прошел даром). В одной из рецензий его называли самым увлеченным и безудержным французским хореографом, самостоятельно идущим

ях, суть которых емко выразил в одном из интервью: «Меня интересует прежде всего само движение, — говорил он. — Ставить танец — это вызывать эмоции с помощью пластики, без каких-либо дополнительных, сюжетных и прочих ухищрений. Все должно быть «в чистом виде», все должно быть выражено телом танцовщика».

Ну, а что намерен хореограф показать московской публике? Несколько дуэтов из своих танцпес, а также поставленный в прошлом году одноактный балет для четырех исполнителей «Девятый вал». После его премьеры, состоявшейся на балетном фестивале в Эксан-Провансе, парижский журнал «Сезон де ля Данс» писал:

«До чего же трудно любить в наше время. Именно такой урок мы выносим из этого балета Клода Брюмашона. Две действующие в нем любовные пары то пересекаются, то распадаются, то меняются партнерами и все никак не могут найти любви. Ни на миг не дано им отдаться нежности, забытья. Есть все атрибуты чувственности, эротики, включая самый что ни на есть интим. А любви нет как нет... «Девятый вал» требует от исполнителей большого внутреннего напряжения: необходимо заставить публику ощутить всю жесткость его атмосферы. Требует он и технической виртуозности, хотя она и остается почти всегда незаметной для зрительских глаз».

Елена КАРАСЕВА,

● Сцена из балета «Девятый вал».